

К. А. Пожарская, кандидат исторических наук

*Алтайский государственный университет
(Барнаул)*

Народные источники формирования образа Сибири в представлениях потенциальных переселенцев конца XIX — начала XX столетия

Важную роль в формировании миграционного сознания крестьянства, материализовавшегося на рубеже XIX–XX столетий в массовых переселениях, сыграли образы далекой Сибири, ставшей центром притяжения миллионов крестьян. Являясь «молчаливым сословием» и практически не оставив сколь-либо значительного массива письменных источников личного происхождения, само крестьянство при первичном знакомстве с регионом будущего заселения преимущественно избрало для заполнения информационного вакуума личные каналы. В частности в результате опроса 1000 переселенцев, осуществленного в 1907 г. черниговским земством, было выяснено, что 58 % крестьян, решивших переселиться за Урал, в своих действиях руководствовались слухами, 25 % — ориентировались на информацию, полученную из писем родственников и бывших однообщинников, и лишь 17 % крестьян воспользовались сведениями, содержащимися в официальных печатных изданиях [1, с. 74]. Переселенец в Томскую губернию И.Е. Беляков также подчеркивал определяющую роль слухов в принятии решения о переселении и в своих воспоминаниях воспроизвел рассказ своего однообщинника: «...вон вчера ночевал у Петрушки Малитенного нищий, там был (имеется в виду в Сибири. — *К.П.*) ...видел своими глазами, как казна строит для прибывших... целые села и деревни под одну крышу, а местами большие казармы. Чтобы на один раз поместить семей по десять, а потом казна постройит на каждого по дому, а если где нет лесу — каменные... Всему этому отрадному пророчеству мои

бедняки слушали по целым дням в корчме, даже забыв про обед и ужин» [2, с. 3].

Прямая взаимосвязь между процессом обратного движения переселенцев и уровнем информированности крестьян, основанной по преимуществу на слухах, особо отмечалась на страницах журнала «Сибирские вопросы» [3, с. 22]. Априорное доверие к «витающим в воздухе идеям» вполне объяснимо мифологичностью сознания крестьянства, которым с легкостью воспринимались фантастические рассказы, не противоречащие вековому представлению о Беловодье. Преувеличенный и зачастую иррациональный характер распространяемой в крестьянской среде информации во многом был детерминирован реальными устремлениями и ожиданиями, представлениями об оптимальных условиях жизнедеятельности: «...везде чернозем на два аршина, вспахал один раз, посеял и получаю урожай по три года без всякой работы, а для картошки — копни только ямку, и из одной картошины вырастет целая мерка...» [4, с. 7]. В подобных рассказах отдаленная территория рисовалась в виде некоего идеального образа, переселение на которую позволило бы решить насущные проблемы земледельцев. Именно поэтому ведущими характеристиками идеализированной страны выступали: земельный простор, где достаточно места для приложения труда и существует обозримая возможность решить проблему земельного голода; высокая урожайность, не лимитированная факторами природно-климатического порядка и прилагаемыми усилиями; свобода от государственного давления («Для всех переселенцев большая от казны помощь и деньгами, и имуществом и дают ее всем, и богатым и бедным. Податей не плати двадцать лет и в солдаты не иди десять лет, а хлебом будут кормить, покоя у переселенцев свой не уродится; вообще все полагается казенное...» [4, с. 8]). Представление о безграничности Сибири и обилии здесь вольных земель являлось весьма устойчивым и находило выражение в самом акте миграции. В частности, земскими агентами отмечалась предрасположенность ходоков и переселенцев к «бродяжничеству», проявлявшаяся в отказе от участков и продолжительных поисках лучших земель без учета своих финансовых возможностей [5, с. 46–47].

Выбор в качестве приоритетных источников частного происхождения объяснялся самими крестьянами недоверием к «верхам» и публикуемым ими справочным изданиям: «не иначе как господа напросили, чтобы народ утращать и в Сибирь не пушшать. Вишь пишут в книжке, что и зима там долга и холодна и кормов надо запастись боле и летом морозы бывают иногда. А все это неправда. Наши об этом не писали, а пошто им обманывать? Ведь не кто-нибудь,

а наши родные дядья да племянники. Да и ходоки не ослепли, видят, что хорошо и что дурно» [4, с. 8]. В крестьянском неприятии или недоверии к тому, что исходит от помещика/чиновника, носителя «кривды» и попирателя справедливости, проявлялось доминирование эмоциональной составляющей над рациональной, свойственное традиционному мышлению [6, с. 196]. Большая степень доверия к представителю своей (или близкой) среды и готовность переселиться даже на основе частной информации являли собой проявление корпоративной дихотомии «мы — они», «свои — чужие».

Одновременно крестьянское понимание «справедливости» и «несправедливое» содержание Положения 19 февраля 1861 г. находили выражение в ожиданиях патримониального покровительства со стороны царя-батюшки и государства в случае миграции. Так, по мнению гласного черниговского земского собрания А.А. Свечина, уверенность в получении государственной помощи нередко заключалась в самой сути движения самовольных переселенцев, считавших, что в Сибири «много свободной земли, где их непременно должны устроить» [7, с. 38]. Основанная на эмоциях стратегия являла собой существенный фактор. Даже в период реализации Столыпинской аграрной реформы, когда для «законных» мигрантов предусматривалась целая серия льгот и преференций от правительства, процент «самовольцев» в отдельных регионах колонизации был весьма значителен и в отдельные годы превышал 50 % от общего числа мигрировавших [8, с. 74]. Одновременно представление о вольной земле, где «непременно должны устроить», приводило к переполненности и существенному уплотнению населения в отдельных районах колонизации, несмотря на различные попытки правительства перенаправить переселенческие потоки.

Немаловажное значение в формировании образа Сибири имели также сведения, получаемые потенциальными мигрантами от родственников и знакомых, обосновавшихся в Сибири. Переселившийся в Енисейскую губернию крестьянин писал родственникам, проживающим в Вятской: «...травы самая едкая для скотины, и коси ее сколь душе угодно. Хлеб ли вздумаешь посеять, посеи один пуд и сыт. А ягоды малины и собирать не надо: привязал к рогам коровы лукошко, когда с утра она пойдет на подножный корм, и к вечеру принесет тебе полнешеньким его, потому, как, значит, ест скотина траву в малиннике, так ягоды и сыплются прямо в лукошко» [4, с. 7]. Однако помимо преувеличенных сведений письма из Сибири бесспорно содержали в себе и полезную информацию, имевшую прикладной характер. Например, в своем письме на родину переселенец, водворившийся в поселке Новоразинском Барнаульского округа, сообщал, что «... у нас лето было

сухое, хлеб был среднего роста, а который и рвали. А цена на хлеб не очень дорогая: мука пшеничная по семьдесят копеек пуд, а пшеница пуд сорок копеек... сена косить можно сколько желаешь и пахать для хлеба тоже самое, сколько угодно и силы хватит...» [9, с. 151]. Выступая в качестве побудительной к переселению силы, сведения, содержащиеся в письмах родных, непосредственно влияли на выбор ареала миграции потенциальных переселенцев, способствовали более эффективной подготовке к переезду: «Если вам угодно идти, то идите на пароходе до самого Барнаула, почти до самого места. Становится расход на человека 19 рублей серебром, идите ранее осени или на весну» [9, с. 150]. Кроме того, переселение на территорию проживания земляков облегчало процесс адаптации мигрантов к новым природно-климатическим и социокультурным условиям посредством образования «краев» или «концов», т.е. очагов компактного проживания по земляческому или этническому принципу.

Таким образом, слухи являли собой один из значимых источников формирования образа Сибири у потенциальных мигрантов рубежа XIX–XX вв. Избрание неофициальной информации в качестве «надежного» информканала обуславливалось спецификой отношения крестьянства к «вышестоящим» и транслируемым ими сообщениями различного порядка о регионах заселения. Одновременно сказывалось содержательное совпадение расхожих сведений и умозрительного идеала, имевшего исторические корни. При этом миф о сибирском Эльдорадо, искомом Беловодье, в конце XIX — начале XX в. претерпел существенное упрощение, поскольку в далекой стране мигранты надеялись обрести вполне осязаемые — «свободную пашню» и «хлеб». Доверие фантастическим рассказам, хорошо укладывающимся в понимание земледельцев о справедливости и «Божьей земле», усиливала кризисная ситуация малоземелья и аграрного перенаселения во внутренних губерниях страны. Вера среди различных слоев крестьянского населения Российской империи в возможность изменения своего экономического положения в идеализированной стране в конечном счете становилась побудительной силой для миграции. Кроме того, процесс формирования образа Сибири в сознании потенциальных мигрантов из европейской части России в конце XIX — начале XX в. после личных контактов имел противоречивый результат: с одной стороны, в представлениях крестьян возникала неадекватная, а нередко и совершенно нереальная картина условий жизнедеятельности и хозяйствования в Сибири, что, в свою очередь, приводило в дальнейшем к замедлению процесса адаптации мигрантов в новой среде обитания. В то же время информация частного происхождения по своей сути часто представляла собою свое-

образный первоначальный этап адаптации, поскольку акцентировала внимание крестьян на важнейших аспектах жизнедеятельности в Сибири, способствовала более эффективной организации самого процесса переселения на всех его этапах (от подготовки до непосредственного переезда). Данная противоречивость была обусловлена целым рядом факторов как субъективного (особенности мировоззрения крестьян, господство в крестьянском обществе устной традиции и т.д.), так и объективного характера (отсутствие достоверной и достаточной информации о Сибири, неграмотность крестьян, не позволявшая ознакомиться с официальными изданиями о регионе и т.д.).

Библиографический список

1. Чуркин М.К. О соотношении экономических и психологических причин в принятии решений о переселении в Сибирь крестьян Европейской России в пореформенный период // Проблемы историографии и истории Сибири. Омск, 2002.
2. Беляков И.Е. Переселенец о Сибири // Русское богатство. 1899. №3.
3. Итоги переселенческого движения // Сибирские вопросы. 1907. №7.
4. Чарушин А.А. Крестьянские переселения в бытовом их освещении. Архангельск, 1911.
5. Деятельность черниговского губернского земства по переселению в осенний сезон 1908 г. Чернигов, 1909.
6. Чуркин М.К. Архетипические черты психологии русского крестьянства и их роль в формировании миграционных настроений в традиционном обществе (вторая половина XIX — начало XX века) // Вопросы истории Сибири. Омск, 2011. Вып. 2.
7. Свечин А.А. Отчет о командировке в Сибирь для ознакомления с постановкой переселенческого дела. СПб., 1910.
8. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение, хозяйственная и социокультурная адаптация. Барнаул, 2013.
9. Сибирские переселения. Документы и материалы. Вып. 1. Новосибирск, 2003.